

18+

Гальяна Карташёва

ИСТОРИИ ДЕДУШКИ МАТВЕЯ

Татьяна Карташева

Истории дедушки Матвея

«Издательские решения»

Карташева Т.

Истории дедушки Матвея / Т. Карташева — «Издательские решения»,

Зимними вечерами, когда за окнами воет метель, а сумерки сгущаются рано, в избе на краю деревни всегда топят печь. Дед Матвей садится на лавку, раскуривает трубку, а внушки — Аленка да Маринка — укрываются одним тулупом на полатах. И текут истории. Страшные, тягучие, до мурашек. Добро пожаловать в избу.

Содержание

ИСТОРИИ ДЕДУШКИ МАТВЕЯ	6
Сборник деревенских легенд, рассказанных долгими вечерами	6
ОТ АВТОРА	8
ПРОЛОГ	10
Часть первая	13
Когда снег растаял...	13
Пришёл снег	14
Выше облаков	17
Вечерняя песня	20
Дар провидицы	25
Луг отчаяния	29
Часть вторая	34
Купальские огни...	34
Купальская свеча	35
Камень счастья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Истории дедушки Матвея

Татьяна Карташева

© Татьяна Карташева, 2026

ISBN 978-5-0070-3609-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИИ ДЕДУШКИ МАТВЕЯ

**Сборник деревенских легенд,
рассказанных долгими вечерами**

ОТ АВТОРА

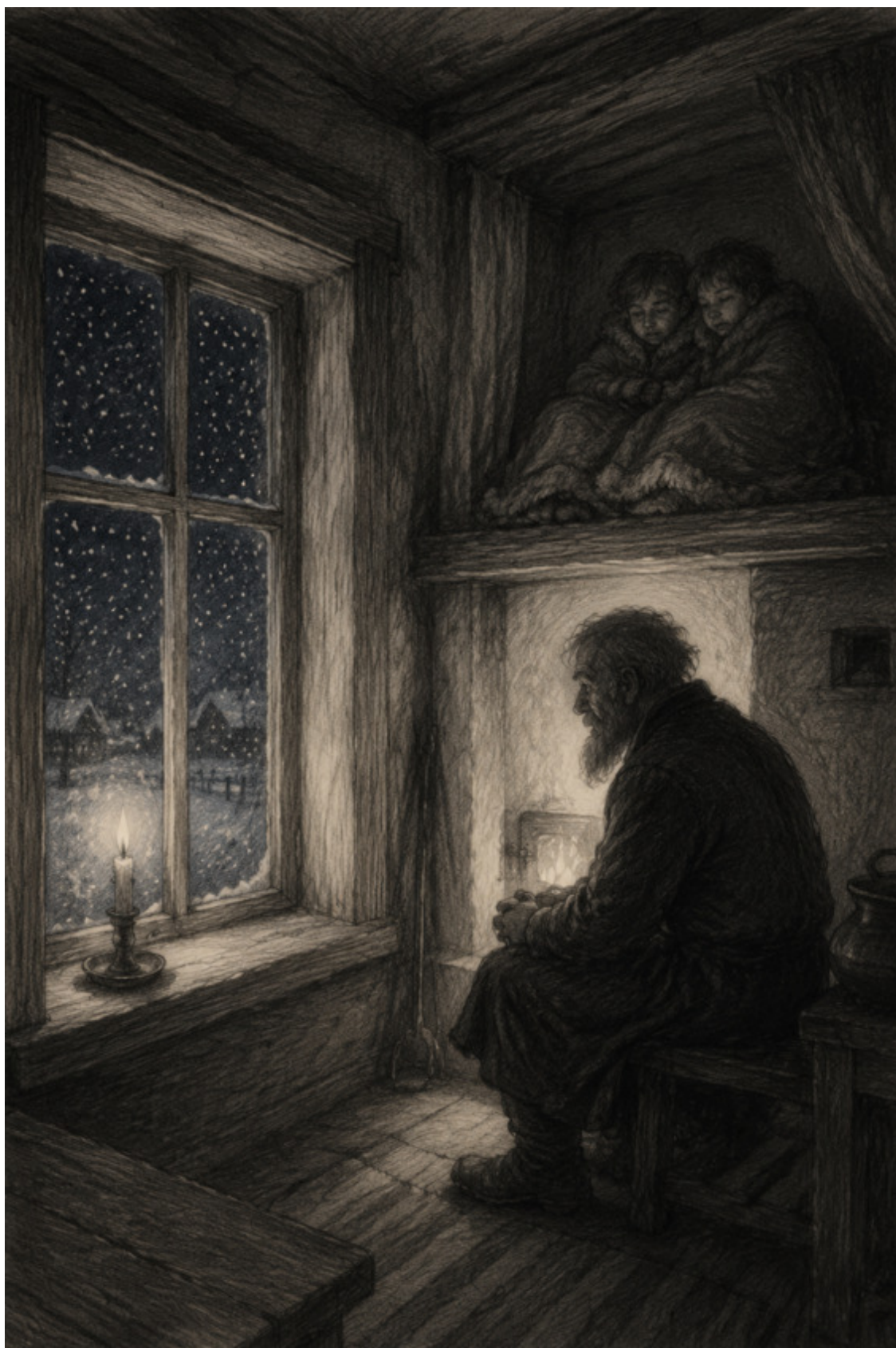
Дорогой читатель,

эта книга родилась из одного очень долгого и тёплого разговора. Из зимних вечеров, из запаха печки, из света лампадки перед иконами. Из страха, который почему-то хочется слушать снова и снова. И из любви — огромной, бесконечной, той, что согревает даже в самую лютую стужу.

А ещё в ней живёт один котик. Самый храбрый, самый любимый. Он слушал эти истории, выздоравливал и верил в чудо. И оно случилось.

Садись поудобнее, укутайся в плед. За окнами пусть воет ветер или шелестит листва — неважно. Важно, что сейчас мы вместе. И двери в избу деда Матвея открыты для тебя.

*С теплом и верой в чудеса,
Твой рассказчик*

ПРОЛОГ

*Посвящается всем, кто любит долгими зимними вечерами
забираться с ногами на тёплую печку, укутываться в плед и слушать.*

*Слушать, как за окнами воет метель, как потрескивают дрова,
как тихий голос рассказывает истории — страшные, но почему-то
такие уютные.*

И конечно, котика. Который всегда рядом.

Зимними вечерами, когда за окнами завывает метель, а сумерки сгущаются так рано, что кажется — ночь никогда не кончится, в деревне нашей есть один особенный дом. Стоит он на пригорке, у самого леса, с резными наличниками и старой, покосившейся трубой, из которой всегда вьётся дымок. В этом доме живёт дед Матвей.

У деда Матвея руки в мозолях, борода седая, а глаза — молодые, с хитринкой. Сидит он обычно на лавке у печки, трубку покуривает, а рядом, на полатах, укутавшись в один тулуп на двоих, пристроились внучки его — Алёнка да Маринка. Старшей, Алёнке, двенадцать, она уже всё понимает, но всё равно боится и слушает, затаив дыхание. Младшей, Маринке, десять, она ещё верит в чудеса и потому каждому слову деда внимает без оглядки.

А говорит дед Матвей истории. Страшные, жуткие, от которых мурашки по коже бегут и хочется залезть под одеяло с головой. Но при этом почему-то тянет слушать ещё и ещё.

— Это не я рассказываю, — часто говорит он, поглаживая бороду. — Это жизнь рассказывает. А я так, передатчик. Мне мои деды рассказывали, им их деды, и так до самых древних времён. А вы теперь слушайте да запоминайте. Может, и вам когда рассказывать придётся.

И текут долгими зимними вечерами истории одна за другой. Про тех, кто ходит по берегу озера, про тех, кто живёт в лесу, про тех, кто приходит с того света. И кажется, что за стенами избы, в темноте, всё это и вправду есть. Ходит, бродит, дышит. Ждёт.

А ты, читатель, заходи в избу. Садись рядом с девчонками, слушай. Только тихо, не мешай. Дед Матвей начинает...

Часть первая

Когда снег растаял...

Посвящается весне — обманчивой, тревожной, но такой долгожданной. Тем, кто умеет слышать знаки, даже когда природа просыпается и кажется, что всё страшное осталось в зимней спячке.

И котику. Который учится заново лакать из шприца и не сдаётся.

Весна в наших краях никогда не приходит тихо. Сначала долго капает с крыш, потом шумят ручьи, потом земля парит, и вдруг — в одно утро — всё зацветает. И кажется: ну вот, отжили страхи, отшумели метели, можно вздохнуть спокойно.

— А вы думаете, девоньки, что страшные истории только зимой бывают? — усмехнулся как-то дед Матвей, глядя, как за окнами тает последний снег. — Нет, касатки. Весна, она коварная. Вроде и тепло, и солнышко, а нечисть тоже просыпается. Зимой она спит глубоко, под снегом, а весной — вылезает, отряхивается и начинает свои дела.

Алёнка с Маринкой переглянулись. Обычно дед начинал рассказывать, когда за окнами темнело рано, а тут — солнце ещё светит, сосульки плачут, а он уже про нечисть заговорил.

— Это потому, — продолжал дед, будто услышав их мысли, — что весной границы тают. Как снег. И то, что зимой было надёжно спрятано, может наружу выйти. Или наоборот — человек может туда зайти, куда не следовало.

Он помолчал, раскуривая трубку, хотя на улице было тепло и дым от трубы поднимался прямо в голубеющее небо.

— Вот слушайте. Есть истории, которые именно весной случаются. Когда снег вдруг среди тепла выпадает — не к добру это. Когда реки просыпаются — не только вода в них течёт, но и то, что в воде зимовало. И сны весной особенные снятся — вещие, тревожные.

Девчонки придвинулись ближе, хотя на дворе стоял ясный апрельский день.

— Не бойтесь, — улыбнулся дед. — Весной бояться поздно. Весной надо слушать и запоминать. Потому что если пропустишь знак — весной он громче всего говорит. И он начал рассказывать...

Пришёл снег

В тот день было тепло. По-настоящему тепло, по-весеннему. Снег почти стаял, на пригорках показалась первая зелень, солнце припекало так, что сосульки звонко падали с крыш, разбиваясь на тысячу хрустальных осколков. Алёнка с Маринкой выбежали во двор без вале-нок, в одних галошах, и носились по лужам, визжа от восторга.

— Весна! Весна пришла! — кричала Маринка, подставляя лицо солнцу.

Дед Матвей сидел на завалинке, шурился на солнышко и улыбался в усы. Хорошо. Тепло. Жить можно.

А к вечеру всё переменялось.

Сначала потянуло холодом. Резко так, будто кто-то открыл огромную дверь в погреб. Потом небо, чистое и голубое, начало затягивать серой мутью. А потом повалил снег.

— Деда! — закричала Алёнка, вбегая в избу. — Деда, снег пошёл! Весной! Снег!

Дед Матвей, который дремал на печи, вдруг резко сел, стукнувшись головой о притолоку. Лицо его побелело.

— Что? — переспросил он хрипло. — Снег, говоришь?

— Да! Большими хлопьями! Всё белое уже!

Дед сполз с печи, накинул тулуп и выскочил на крыльцо. Алёнка с Маринкой выбежали следом.

И правда — снег валил стеной. Крупный, мокрый, он ложился на молодую траву, на набухшие почки деревьев, на первые одуванчики. Через полчаса всё вокруг стало белым-бело, будто и не было никакой весны.

— Красиво как, — прошептала Маринка, ловя снежинки ладошкой.

— Не красиво, — тихо сказал дед. — Страшно.

— Почему страшно? — удивилась Алёнка. — Обычный снег. Весной тоже бывает.

— Бывает, — кивнул дед. — Только не просто так. Не к добру это, девоньки. Ох не к добру.

Он повернулся и пошёл в избу, тяжело ступая по свежему снегу. Девчонки переглянулись и побежали за ним.

В избе дед долго молчал. Сидел у печки, глядел на огонь, и лицо у него было такое, будто он призрака увидел. Наконец Маринка не выдержала:

— Дедуль, ну скажи! Что случилось? Почему снег страшно?

Дед перекрестился на иконы и начал:

— Есть, девоньки, давнее поверье. Когда весна уже пришла, тепло установилось, а тут вдруг снег — значит, природа плачет. Значит, чует она беду. Большую беду. И предупреждает нас.

— Какую беду? — прошептала Алёнка.

— Всякую, — вздохнул дед. — Войну, мор, пожар, смерть чью-то. Много раз так было. Я сам помню.

И он начал рассказывать.

Первый раз я такой снег увидел, когда мне годов десять было. Весна стояла тёплая, дружная, всё цвело. А тут — снег. Валил, как сейчас, стеной. А через неделю война началась. Первая мировая. Моего отца забрали, и он не вернулся.

Второй раз — в тридцать третьем. Тоже весна, тепло, а тут снег. А через месяц в деревне мор начался. Люди умирали как мухи. Полдеревни выкосило.

Третий раз — в сорок первом. Я уж взрослый был. Снег выпал в мае, всё побил, все посадки. А через месяц — война. Опять война. Великая Отечественная.

Дед замолчал, затянулся трубкой. Руки его дрожали.

— А после войны ещё раз был. В пятьдесят шестом. Тоже снег, тоже весной. А через три дня наша Харитона громом убило. Прямо в поле. Шёл мужик, и тут гроза среди ясного неба, и молния. Насмерть.

— И всегда? — спросила Маринка. — Всегда после снега беда?

— Всегда, — кивнул дед. — Не сразу, но всегда. Потому что снег этот не простой. Это слёзы природы. Она чувствует, что случится, и плачет. А мы, люди, её слёзы видим, да не всегда понимаем.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Я вам расскажу, девоньки, одну историю. Про нашу соседку, бабу Глашу. Царствие ей небесное.

И он поведал эту историю.

Было это лет сорок назад. Жила в нашей деревне баба Глаша, старенькая уже. И был у неё сын единственный, Николай. Он в городе работал, приезжал редко. А баба Глаша его очень ждала, каждое воскресенье на дорогу выходила, глядела, не идёт ли.

И вот как-то весной, в мае, выпал снег. Как сейчас, стеной. Баба Глаша вышла на крыльцо, посмотрела на снег и заплакала. Соседки к ней: «Ты чего, Глаша? Снега не видела?» А она говорит: «Это не просто снег. Это к беде. Чую я, с Колькой моим что-то случится».

И точно. Через три дня пришла телеграмма: Николай погиб на работе. Упал с высоты. Разбился насмерть.

— И она знала? — прошептала Алёнка.

— Знала, — кивнул дед. — Сердце материнское чувствует. И снег тот чуял.

Потому и выпал.

Он вздохнул, перекрестился.

— С той поры я на такой снег всегда молюсь. Чтобы пронёс беду мимо. Чтобы не к нам, не к нашим.

За окнами всё валил и валил снег. В избе стало темно, хоть глаз выколи. Дед зажгёт лучину, подбросил дров в печку.

— Дедуль, — спросила Маринка тихо, — а сейчас? Сегодня? Тоже к беде?

— Не знаю, дочка, — честно ответил дед. — Может, к беде. Может, просто природа капризничает. Но лучше быть начеку.

Он помолчал, потом добавил:

— Я вот что думаю. Может, это не к большой беде, а к маленькой. К кому-то из наших. Может, кто-то заболит, или поссорится, или потеряет что. Надо быть добрее сегодня. И осторожнее.

Он поглядел на внучек, погладил их по головам.

— Вы сегодня никуда не ходите. Сидите дома. И молитесь. Мало ли что.

Девчонки послушно залезли на полати, укрылись тулупом. Дед ещё долго сидел у окна, глядел на падающий снег и шептал молитву.

А ночью Алёнка проснулась оттого, что кто-то плакал. Тихо так, жалобно. Она прислушалась — нет, не в избе. Снаружи. Будто сама земля плачет под снегом.

— Деда, — позвала она шёпотом. — Ты слышишь?

— Слышу, — ответил дед из темноты. — Это она. Природа плачет. Не к добру.

Они долго лежали, слушая этот тихий, щемящий плач. А под утро снег кончился. Выглянуло солнце, и через час от белого покрывала не осталось и следа. Только лужи побольше стали да ручьи погромче журчали.

А к вечеру пришла весть: у Витьки Семенова, того самого, что про всё на свете знал, мать померла. Внезапно, ночью. Сердце остановилось. И никто не знал, что она болела, а она, оказывается, давно уже маялась, да никому не говорила.

— Вот оно, — сказал дед, перекрестившись. — Для кого снег выпал. Для неё. Предупредил, а помочь не смог.

Алёнка с Маринкой переглянулись, и обеим стало так жалко Витьку, что слёзы навернулись. Ходил он теперь по деревне сам не свой, молчал и ни с кем не разговаривал. И про истории свои страшные забыл. Надолго ли.

— Дедуль, — спросила Маринка через несколько дней, — а если снег ещё выпадет? Весной?

— Выпадет, — вздохнул дед. — Обязательно выпадет. Не в этом году, так в следующем. Или через десять лет. Природа, она не забывает плакать. И предупреждать.

— А что делать? Как спастись?

— А никак, — развёл руками дед. — Если суждено, то случится. Только молитва да доброта. Может, отмолим, может, пронесёт. Но лучше быть готовым.

Он помолчал, глядя на весеннее небо.

— Я вам что скажу, девоньки. Живите так, будто каждый день последний. Любите друг друга, не ссорьтесь, помогайте ближним. И тогда никакой снег не страшен. Потому что если вы вместе, если вы добрые, то и беда обойдёт стороной. Или не обойдёт, но вы её вместе переживёте.

Он перекрестил внучек и пошёл во двор — смотреть, не побило ли снегом посадки. А девчонки долго ещё сидели на крыльце, глядели на солнышко и думали о том, как хрупка жизнь и как важно ценить каждое мгновение.

И о том, что весенний снег — это не просто каприз погоды. Это напоминание. О том, что мы не вечны. О том, что надо успеть сказать главное. О том, что надо любить.

Пока не поздно.

Выше облаков

В тот вечер было тихо. Необычно тихо для марта, когда ветры гуляют по полям, срывая последний снег, когда капель звенит, а по ночам ещё примораживает. А тут — тишина. Ни ветерка, ни звука. Даже собаки не лаяли, даже печь в избе потрескивала как-то приглушённо, будто боялась нарушить покой.

— Дедуль, — позвала Алёнка с полатей, — а почему сегодня так тихо? Даже жутковато.

Дед Матвей, сидевший у окна, обернулся. Лицо у него было задумчивое, глаза смотрели куда-то вдаль, за тёмный лес, за околицу, туда, где в сумерках угадывался силуэт горы.

— Тишина, девоньки, — сказал он негромко. — Это перед большим. Перед важным. Может, гора зовёт.

— Гора? — переспросила Маринка, приподнимаясь на локте. — Которая Облакоходом зовётся?

— Она самая, — кивнул дед. — Сегодня, видать, её ночь. Ночь, когда можно подняться выше облаков.

Девчонки переглянулись. Про гору эту они слышали, конечно. Кто ж в деревне про неё не слышал? Возвышается она за лесом, невысокая вроде бы, а вершина всегда в облаках. Даже в ясный день, когда небо чистое, на вершине туман стоит. И название у неё древнее — Облакоход. Ходящая в облаках.

— А что там, на вершине? — спросила Алёнка.

— Ничего, — ответил дед. — Туман. И тишина. Такая тишина, какой нигде больше не бывает. Полная. Мёртвая.

Он помолчал, затянулся трубкой.

— А ещё, — добавил он тихо, — говорят, что если подняться на ту гору в полной тишине, ни слова не проронив, ни звука не издав, то на самой вершине, в тумане, можно увидеть их.

— Кого? — выдохнули девчонки хором.

— Тех, кто ушёл, — просто сказал дед. — Родных. Близких. Тех, кого уже нет с нами. Они приходят попрощаться. Или позвать.

И он начал рассказ.

Это древнее поверье, девоньки. Ещё моя прабабка сказывала, что в старину люди специально ходили на Облакоход, чтобы увидеть умерших. Не всех подряд, а только тех, кого сильно любили, по ком сердце болело. Поднимались на гору в тишине, терпели, не говорили ни слова, каким бы трудным ни был путь. И на вершине, в тумане, они появлялись.

— И что? — спросила Маринка. — Они разговаривали?

— Нет, — покачал головой дед. — Не разговаривали. Они просто стояли и смотрели. А человек смотрел на них. И через этот взгляд всё передавалось: и любовь, и прощение, и прощание. А потом они исчезали. И человек спускался вниз. И жил дальше. Легче.

— А почему легче? — спросила Алёнка.

— А потому что видел, что они есть, — ответил дед. — Что не кончается всё, что душа остаётся. Что свидание ещё возможно.

Он замолчал, глядя на огонь.

— Только не все спускались, — добавил он тихо. — Некоторые оставались.

— Как это — оставались? — испугалась Маринка.

— А вот так, — вздохнул дед. — Слишком сильно хотели остаться с ними. Слишком тянуло. Или тишину не выдерживали, начинали говорить, просить, умолять. И тогда... тогда гора забирала.

— Забирала?

— Да. Человек пропадал. Исчезал. Потом его искали, но находили только одежду. Или ничего не находили. А в деревне потом говорили: «На Облакоходе остался. К своим ушёл».

Дед перекрестился и продолжал:

— Самый страшный случай, девоньки, с нашей соседкой был, с Анной. Лет пятьдесят назад, поди. У неё жених погиб, за неделю до свадьбы. Лошадь понесла, он выпал из телеги и разбился. Анна с той поры сама не своя ходила. Ни есть, ни пить, ни с людьми говорить. А потом собралась и пошла на Облакоход.

— Пошла? — прошептала Алёнка.

— Пошла, — кивнул дед. — Наказала всем не ходить за ней, не искать. Сказала: «Или увижу его, или останусь с ним». Поднялась на гору. И пропала. Три дня её не было. Уж думали, всё, погибла. А на четвёртый день спустилась. Сама не своя.

— Что с ней было? — спросила Маринка.

— А она потом рассказывала, — ответил дед. — Поднялась она на вершину, в туман. Долго стояла, ждала. А потом из тумана вышел он. Её Степан. Молодой, красивый, как живой. Протянул к ней руки и сказал: «Аннушка, пойдём со мной. Там хорошо, там тепло, там мы будем вместе навеки».

И она пошла. Уже шаг сделала, уже руку протянула. А внизу, у подножия горы, петух запел. Вдруг, ни с того ни с сего. Среди дня петух запел. Анна вздрогнула, оглянулась — и видение пропало. Только туман и тишина.

Спустилась она вниз, еле живая. И с той поры зарок дала: никогда больше на гору не ходить. Потому что поняла: если бы не петух, осталась бы там. Навеки.

— А она потом как жила? — спросила Алёнка.

— Долго жила, — усмехнулся дед. — Замуж вышла, детей нарожала, внуков дождалась. А перед смертью, говорят, улыбнулась и сказала: «Встречу. Теперь уж точно встречу».

— А ты сам, деда? — спросила Маринка. — Ты ходил?

Дед долго молчал, глядя в темноту за окном. Потом ответил:

— Ходил, девоньки. Давно, ещё до войны. Мать моя померла, я молодой был, двадцать лет. Так тосковал, что невоготу стало. И пошёл.

— И что? — выдохнули девчонки.

— Поднялся, — тихо сказал дед. — В тумане. Долго стоял, продрог до костей, но стоял. И она пришла. Мама. Как живая, как будто и не болела, не умирала. Улыбнулась мне и рукой помахала. А потом исчезла.

Он смахнул слезу, навернувшуюся на глаза.

— Я тогда легче стал. Понял, что она там, что ей хорошо. Что не насовсем расстались. И до сих пор так думаю.

— А не страшно было? — спросила Маринка.

— Страшно, — кивнул дед. — Особенно когда вниз спускался. Казалось, что вот-вот позовут обратно. Что она вернётся и скажет: «Останься». Но я молчал и шёл. Потому что знал: мне ещё жить надо.

Он помолчал, затянулся трубкой.

— А один раз, — добавил он, — я слышал, как гора поёт. Давно, ещё парнем. Ночью, ветра не было, а она пела. Тихо так, жалобно. Будто все души, что там остались, голоса подали.

— И что это было?

— А это, видать, к войне, — вздохнул дед. — Через месяц война началась. Гора чуяла. За окнами стало совсем темно. Луна взошла над лесом, осветила дальний склон Облакохода. Гора стояла тихая, величественная, окутанная вечным туманом.

— Дедуль, — прошептала Алёнка, — а сейчас там кто-то есть? На горе?

— Кто ж его знает, — ответил дед. — Может, есть. Может, наши там, деревенские. Кто не вернулся. Стоят в тумане, ждут.

— Чего ждут?

— Когда свои придут, — просто сказал дед. — Когда увидят их. Когда попрощаются. Или останутся.

Он перекрестился и добавил:

— Я вам что скажу, девоньки. Если когда сильно захотите увидеть тех, кого нет — не ходите. Или ходите, но знайте меру. Потому что гора, она не отпускает. Особенно тех, кто сильно тоскует.

— А как же ты? — спросила Маринка. — Тебя отпустила.

— А я не тосковал, — усмехнулся дед. — Я прощаться ходил. А это разные вещи. Тосковать — значит тянуть к себе, назад, в землю. А прощаться — значит отпускать. Гора это чувствует.

Он погладил внушек по головам.

— И ещё, — добавил он тихо. — Когда пойдёте, молчите. Ни слова. Ни звука. Даже если покажется, что зовут, что машут, что плачут. Молчите. Потому что слово — это мост. Перейдёте — не вернётесь.

В избе повисла тишина. Даже печь перестала потрескивать, будто прислушиваясь. И в этой тишине, откуда-то издалека, с горы, донёсся звук. Тонкий, протяжный, будто много голосов слилось в один.

— Слышите? — прошептал дед. — Поют. Это они. Души.

Девчонки замерли, вслушиваясь. Им казалось, что в этом пении они различают знакомые ноты, родные голоса. Бабушкин, прадедушкин, тех, кого никогда не видели, но кто живёт в их крови.

— Они нас видят? — спросила Алёнка.

— Видят, — ответил дед. — И ждут. Каждую ночь ждут. Но спускаться не будут. Нельзя. Только на горе, только в тумане, только в тишине.

Он встал, подошёл к окну, долго смотрел на гору.

— Когда-нибудь и мы там будем, — сказал он тихо. — Все будем. Там, выше облаков. И будем ждать своих. И петь им.

Он обернулся к внучкам, улыбнулся.

— А пока — живите. Радуйтесь. Любите. И помните: те, кто ушли, они не исчезли. Они просто стали облаками. И смотрят на нас сверху.

— И мы их увидим? — спросила Маринка.

— Увидите, — кивнул дед. — Когда придёт время. Но не торопите его. Жизнь — это дар. Самый главный дар.

Он погасил лучину, и изба погрузилась во тьму. Только лампадка перед иконами мерцала да за окнами сияла гора, окутанная вечным туманом, полная тихих голосов и светлых душ.

Алёнка долго не могла уснуть. Смотрела на гору и думала о тех, кого никогда не видела, но кто живёт в её сердце. О прабабушках, прадедушках, о тех, кто строил эту деревню, кто пахал эту землю, кто любил и страдал, рождался и умирал.

И ей казалось, что она слышит их голоса. Тихие, ласковые, они пели ей колыбельную, обещая, что всё будет хорошо. Что они рядом. Что они ждут.

Но не торопят.

Потому что жизнь — это дар.

А встреча — впереди.

Выше облаков.

Вечерняя песня

Весна в тот год выдалась поздняя и холодная. Снег сошёл только к маю, а земля так и не прогрелась — всё дули северные ветры, да по ночам случались заморозки. Чёрное болото, что раскинулось за деревней, у леса, набухло водой, но не цвело, не зеленело — стояло тёмное, гладкое, как зеркало, и тишина над ним стояла мёртвая.

— Не к добру это, — говорили старухи. — Болото молчит — быть беде.

И верно. В ту весну и начались эти истории с песнями.

Дед Матвей в тот вечер был особенно задумчив. Сидел на лавке, глядел в окно, где уже сгущались сумерки, и о чем-то думал тяжёлую думу. Котик дремал на печке, свернувшись клубочком. Алёнка с Маринкой возились на полатах, перешёптывались, но к деду приставать не решались — знали, что если дед молчит, значит, не время.

Наконец Маринка не выдержала:

— Дедуль, а почему Чёрное болото Чёрным зовут? Оно правда чёрное?

Дед очнулся от своих мыслей, повернулся к внучкам, усмехнулся в усы:

— Чёрное, касатка, чёрное. Вода там тёмная, как дёготь, и дна не видать. А кто на дно упадёт — того и не найдут никогда. Засосёт трясина, и поминай как звали.

— А страшно там? — спросила Алёнка.

— Страшно, — просто ответил дед. — Особенно вечерами. Особенно когда песни оттуда слышны.

Девчонки переглянулись. Алёнка насторожилась:

— Песни? Какие песни, деда?

Дед помолчал, поправил лучину, подбросил дров в печку. Огонь весело затрещал, осветив морщинистое лицо, глубокие складки у рта, седые брови.

— Про это, девоньки, не всякий расскажет, — начал он негромко. — Потому что боязно. А я расскажу. Вы уж слушайте, да запоминайте. Может, жизнь спасёт.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и начал.

Про Чёрное болото у нас исстари молва идёт, что место там нечистое. Ещё при прадедах наших топились там люди. Кто случайно, кто по пьяни, а кто и нарочно — от тоски, от несчастной любви, от жизни тяжёлой. И все они, утопленники те, на дне остались. Болото никого не отдаёт. А души их, говорят, маются, покоя не знают. И самая тоскливая среди них — душа девки одной, Малаши.

— Малаши? — переспросила Маринка. — А кто это?

— А это и есть наша русалка, — дед понизил голос. — Только не та русалка, что в книжках пишут — с рыбьим хвостом да весёлая. Наша русалка — она страшная. И песни её страшные. Потому что поёт она не от радости, а от тоски смертной.

И он поведал историю.

Жила в стародавние времена в нашей деревне девка Малаша. Красивая была — глаз не отвести. Коса русая, ниже пояса, глаза синие, как васильки во ржи, голос звонкий, как ручеек. И пела она так, что заслушаешься. Бывало, выйдет вечером на крыльцо, запоёт — и все работы бросают, слушают. Мужики вздыхают, бабы плачут, дети затихают. Такой у ней голос был — душу вынимал.

И полюбил Малашу парень один, Игнат. Тоже из нашей деревни, работающий, справный, собой видный. И она его полюбила. Уж и свадьбу сыграть собирались, и платье невеста себе сшила, и приданое собрала. Да только накануне свадьбы случилось несчастье.

Пошёл Игнат с мужиками в лес, за дровами. А в лесу тогда, как назло, буря прошла, деревья повалила. И одно дерево — старая осина — как раз на Игната и упала. Насмерть. Прямо на глазах у товарищей.

Принесли его в деревню, Малаша как увидела — так и рухнула замертво. Еле отходили. А когда очнулась, перестала разговаривать. Сидела молча, глядела в одну точку, и ничего не ела, не пила. А на третий день, когда Игната хоронили, она на кладбище не пошла. Вместо этого ушла к Чёрному болоту.

Видели ее последний раз бабы, что клюкву собирали неподалёку. Стояла Малаша на краю болота, на самой трясине, босая, в одной рубаше, и смотрела в чёрную воду. Бабы окликнули её — она не обернулась. Только запела вдруг. Тихо так, жалобно, заунывно. Про любовь свою несчастную, про жениха погибшего, про то, что жить ей без него не хочется. А потом сделала шаг вперёд — и ушла под воду. Только круги пошли, да пузыри вскипели. И стихло всё.

Искали её, конечно. Болото обошли, баграми дно шарили — нет Малаши. Как сквозь землю провалилась. А через месяц, на молодой месяц, услышали в деревне песню.

Дед Матвей замолчал, прислушался к чему-то.

За окнами стих ветер, и в наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко-далеко, со стороны леса, донеслось что-то похожее на пение. Или просто ветер в трубе?

— Песню? — переспросила Алёнка шёпотом. — Ту самую?

— Ту, — кивнул дед. — Ту самую, что Малаша пела перед смертью. Только теперь она из болота доносилась. Вечерами, на закате, когда туман над водой стелется. Сидит, говорят, она на кочке, среди трясины, и поёт. Волосы по воде распустила, сама бледная, светится в темноте. А глаза чёрные, без зрачков, и смотрят прямо в душу. И поёт, поёт, поёт.

— И что, люди слышали? — спросила Маринка.

— Мало кто слышал, — дед покачал головой. — А кто слышал — те долго не жили. Потому что песня та — она не для живых. Она для мёртвых. Для тех, кого болото уже забрало. И для тех, кого ещё заберёт.

И пошла с той поры молва по деревням: не ходите к Чёрному болоту вечерами, не слушайте, что оттуда поётся. А особенно парней молодых берегите, потому что Малаша поёт для них. Жениха своего потеряла, так теперь всякого парня, что на голос её пойдёт, забирает к себе, на дно болотное.

И много таких случаев было. Рассказывали про Андрея, парня двадцати лет, весёлого такого, гармониста. Пошёл он как-то вечером с гулянки домой, а дорога как раз мимо болота шла. Идёт, слышит — поёт кто-то. Голос такой красивый, такой жалобный, что у Андрея сердце зашлось. Остановился, слушает. А песня всё ближе, всё явственней. И видит он — стоит на краю болота девушка, белая вся, руки к нему тянет и поёт. И такая тоска в той песне, такая любовь неземная, что Андрей шагнул к ней. Шагнул — и провалился в трясину. Хотел назад, а ноги уже не идут, засасывает. Кричать — голоса нет. Только песня та над головой звенит, заливаются, пока вода совсем не сомкнулась.

Нашли его через неделю, в другом конце болота, уже мёртвого. И лицо у него, говорят, было спокойное, даже счастливое, и улыбка застыла.

Алёнка поёжилась, плотнее закуталась в одеяло.

— Деда, а может, это не Малаша была? Может, просто вода засасывает, а люди слышат от страха?

Дед усмехнулся, покачал головой.

— Эх, девонька, — сказал он. — Если бы только от страха. Я сам однажды слышал. Давно, ещё парнем был, глупым да любопытным. Пошли мы с дружкой на спор: кто ночь у болота просидит. Дружок мой, Стёпка, хвастался, что ничего не боится. А я, дурак, за компанию пошёл.

Сидим мы на берегу, костёр развели, сигареты курим, смеёмся. Ночь лунная, тихая, только лягушки квакают да комары звенят. И вдруг — тишина. Лягушки замолкли, комары пропали, даже костёр трещать перестал. И в этой тишине — голос. Женский, молодой, красивый до слез. Поёт, выводит, заливаются. И слова разобрать можно, да только не наши слова, не

русские, а древние какие-то, непонятные. Но понимаешь всё равно, душой понимаешь. Про то поёт, как любовь потеряла, как тоскует, как ждёт своего суженого, как хочет к себе прижать, приглубить, на дно болотное унести.

Стёпка как вскочил, как побежал на голос! Я за ним, кричу: «Стой, дурак, не ходи!» А он не слышит, бежит прямо в трясины. Я его схватил за рубаху, повалил на землю, бью по щекам, а он вырывается, мычит, глаза бешеные, и всё туда смотрит, где поют.

Еле удержал. Так и просидели до утра, я его держу, а он рвётся. А песня всё поёт, всё зовёт, до самой зари. А как солнце взошло — стихла. Стёпка тогда очнулся, смотрит на меня, не помнит ничего. Я ему рассказал — он побледнел и перекрестился. Больше никогда к болоту близко не подходил.

— А ты, деда? — спросила Маринка. — Ты слышал потом?

— Слышал, — нехотя признался дед. — Ещё несколько раз. Всегда, когда к несчастью. Или когда кто-то из молодых собрался на болото идти. Тогда я выходил на крыльцо и слушал. И если песня слышалась — значит, быть беде. И я уж старался тех парней отговорить, не пустить. Кого послушались — те живы остались. А кто не послушался...

Дед махнул рукой.

— А что стало с теми, кто не послушался? — не унималась Алёнка.

— А что с ними станет? — дед развёл руками. — Уходили на болото и не возвращались. Иные через неделю всплывали, иные через месяц. А иных так и не нашли.

Только слышали потом, как песня над болотом плывёт, да иногда видели, как двое на кочке сидят — Малаша и парень тот. Обнялись и сидят, в воду смотрят. А подойдёшь ближе — нет никого, одна тишина.

Он помолчал, погладил кота, который давно уже свернулся клубком у него на коленях.

— Самый страшный случай, — продолжал он тихо, — с Проклом был, с соседским парнем. Хороший был парень, работающий, не пьющий, не курящий. И невеста у него была, Дуняша, красавица писаная. Сыграли свадьбу, зажили. А через год Дуняша померла — родами, вместе с ребёнком. Оба схоронили. Прокл с той поры сам не свой стал. Ходит чёрный, молчит, ни с кем не разговаривает. А потом стали замечать — потянуло его к болоту. Вечерами уходит, сидит там дотемна, смотрит в воду.

Мать его, баба Настя, ко мне прибежала: «Матвей, помоги, чует моё сердце, неладное с Проклом. Может, песню ту слышит?» Я пошёл, поговорил с парнем. А он смотрит на меня пустыми глазами и говорит: «Слышу, дядя Матвей, слышу. Она поёт. Дуняша моя поёт. Зовёт меня к себе, говорит, что там хорошо, что мы вместе будем, и дитё наше с нами».

Я ему и так и этак: «Опомнись, Прокл, не Дуняша это, а Малаша, русалка болотная. Она облик принимает, чтобы душу твою погубить. Не ходи туда, засосёт трясина». А он только головой качает: «Нет, дядя Матвей, я знаю, это она. Я пойду к ней. Я без неё не могу».

И пошел. В ту же ночь. Ушёл к болоту — и не вернулся. Искали — нету. А через неделю рыбаки видели: сидят на кочке двое. Прокл и женщина в белом. Обнялись и смотрят друг на друга. И поют. Тихо так, жалобно. Рыбаки креститься начали — и пропало всё. Только туман над водой стелется.

Дед замолчал, уставившись в огонь. Девчонки притихли, боясь дышать.

— И что, — прошептала наконец Алёнка, — так и остался он там?

— Там, — кивнул дед. — Теперь уж навеки. С Малашей вместе. Она, видать, обрадовалась, что не одна теперь. Что есть с кем тосковать. Вот и поют они вдвоём. Иногда слышно — два голоса над болотом плывут. Один женский, один мужской. И так жалобно, так сладко, что сердце заходится.

Он перекрестился, поглядел на тёмное окно.

— С той поры и повелось. Как стемнеет, как туман с болота потянет, так и начинается. Поёт Малаша, а то и с Проклом вместе. Парней молодых заманивают. Кто послабее душой,

кто в любви несчастлив, кто тоскует по ком — тех и тянут. А уж если услышишь песню да откликнешься — считай, пропал. Потому что голос тот не отпускает. В душу входит, там и остаётся, пока сам за ним не пойдёшь.

— А как же спастись? — спросила Маринка. — Если услышишь?

— Молитвой, — твердо сказал дед. — Молитвой да крестом. Я, когда ту песню слышал, всегда «Отче наш» читал и крестился. И Стёпку тому же научил. Это помогает. Потому что голос тот, он от нечистого, а молитва — она очищает. Ну и, конечно, уши затыкать и бежать оттуда без оглядки. Потому что если останешься слушать — всё, пропал. Услышишь своё имя в той песне — и пойдёшь, как зачарованный, прямо в трясину.

Он помолчал, потом добавил тихо:

— Я ведь и своё имя слышал однажды. Давно, когда молодой был. Сидел у болота, слушал. И вдруг — «Матвеюшка, Матвеюшка, иди ко мне, Матвеюшка». Голосом моей первой любви, Анисьей, которую я сватал, да не сложилось. Так позвала, так сердце защемило, что я чуть не встал и не пошёл. Но перекрестился вовремя. И пропало. Анисья та давно уж умерла, а голос её живёт, Малашей используется, души губит.

За окном вдруг что-то стукнуло. Девчонки вздрогнули, прижались друг к другу. Дедглянул на окно, перекрестился.

— Ветка это, — сказал он, но в голосе не было уверенности. — А может, и не ветка. Мало ли кто по ночам бродит.

— Дедуль, — прошептала Алёнка, — а сейчас слышно? Сейчас поют?

Дед прислушался. В избе стало тихо-тихо, только дрова потрескивали да сверчок за печкой стрекотал. И вдруг в этой тишине, из самого далека, оттуда, где за лесом раскинулось Чёрное болото, донеслось что-то. То ли ветер, то ли вода, то ли и вправду — пение. Тонкое, высокое, жалобное, и в нем второй голос, мужской, вторит, подпевает, сливается в одну тоскливую, бесконечную песню.

Маринка зажмурилась, зажала уши руками.

Алёнка побелела, но не отвела взгляда от окна. А дед Матвей перекрестился и прошептал:

— Поют. Всё поют, окаянные. Никак не уймутся. Видать, много ещё душ им нужно, чтобы утолить свою тоску.

Он встал, подошёл к иконе в красном углу, затеплил лампадку.

— Спаси и сохрани, Господи, — прошептал он. — Огради от соблазна, от голоса лстыивого, от тоски смертной.

Потом вернулся на лавку, погладил внучек по головам.

— Спите, — сказал он строго. — И ничего не бойтесь. Вы в избе, под крестом, под защитой Божьей. А коли услышите во сне пение — не откликайтесь. И не ходите никуда. Утром всё пройдёт.

Девчонки послушно закрыли глаза, но спать не могли долго. Всё слушали, как за окнами шумит ветер, как потрескивают дрова, как где-то далеко-далеко, на самой границе слышимости, поют двое — женщина и мужчина — свою вечную, тоскливую песню. Песню о потерянной любви, о несбывшемся счастье, о том, как хорошо на дне болотном, в тине и холоде, вдвоём, навеки вместе.

И чудилось им, что в этой песне всё явственней слышится: «Аленушка, Аленушка, иди к нам... Маринушка, Маринушка, мы ждём тебя...»

Но они крепко зажмуривались и шептали молитву, которой дед научил. И песня отступала, таяла в ночи, уходила обратно в болото, к своим певцам, к своим жертвам, к своей вечной, безысходной тоске.

А утром встали — солнце, птицы поют, и всё ночное забылось, показалось сном. Только дед Матвей сидел на крыльце и смотрел в сторону Чёрного болота. И лицо у него было такое,

будто он что-то знает, чего другим знать не положено. Будто он всё ещё слышит ту песню, которая для других уже стихла.

— Дедуль, — подошла к нему Алёнка, — а ты чего не спишь?

— А я, дочка, — ответил он тихо, — я слушаю. Всю ночь слушал. Они пели. Всё пели. И знаешь, мне показалось, что голосов стало больше. Не два уже, а три. Или четыре. Новые пришли. Кто-то ещё этой ночью к ним присоединился.

— Кто? — испугалась Алёнка.

— Не знаю, — дед покачал головой. — Узнаем скоро. Если кого-то из наших не досчитаемся. Болото, оно молчать не умеет. Оно всегда говорит. Песнями говорит. И горе тем, кто эти песни слышит и верит им.

Он поднялся, перекрестился на восходящее солнце и пошёл в избу — топить печь, готовить завтрак. А Алёнка долго ещё стояла на крыльце, смотрела на тёмную полосу леса, за которым пряталось Чёрное болото, и думала о том, сколько же там, в глубине, душ, сколько голосов, сколько неспетых песен и невыплаканных слез. И надеялась, что никогда не услышит своего имени в той сладкой, тоскливой, смертельной песне.

Дар провидицы

В тот вечер дед Матвей долго сидел на крыльце, глядя, как солнце медленно опускается за лес, окрашивая небо в багровые тона. Алёнка с Маринкой пристроились рядом, прижались с двух сторон, чувствуя исходящее от деда тепло.

— Дедуль, — первой заговорила Алёнка, — а почему ты так долго на закат смотришь? Что там такое?

— Красота, девоньки, — ответил дед, не оборачиваясь. — Красота, за которой правда прячется. Вон те красные полосы — к ветру. А вон те, золотые — к хорошей погоде. А если облака перистые да высокие — к переменам.

— А ты всё приметы знаешь? — восхитилась Маринка.

— Не все, — усмехнулся дед. — Есть люди, которые больше моего знали. И видели. Особенно одна бабка у нас в деревне жила, царствие ей небесное. Баба Поля.

— А чем она знаменита? — спросила Алёнка.

— Тем, что сны видела, — тихо сказал дед. — Вещие. И людей предупреждала. Да только не все её слушали.

И он начал рассказ.

Жила у нас в деревне баба Поля. Старенькая уже, сморщенная, как печёное яблоко, а глаза молодые, светлые, будто ей двадцать лет. И была у неё странность — она знала, что случится. Не гадала, не ворожила, а просто знала. Во сне ей приходило.

— Как это — во сне? — не поняла Маринка.

— А вот так, — ответил дед. — Спит себе баба Поля, и вдруг видит сон. А сон тот — не простой, а вещий. И как проснётся, всё помнит до мелочей. И знает, что сбудется. Обязательно сбудется.

— И что, всегда сбывалось? — спросила Аленка.

— Всегда, — кивнул дед. — Я сам тому свидетель. Много раз она людей предупреждала. Кому говорила: «Не ходи завтра в лес, беда будет». Тот не послушается — и пропадёт. Или скажет: «Жди гостей через три дня», — и точно, гости приезжали.

Он помолчал, затянулся трубкой.

— Только не все ей верили, — добавил он тихо. — Были и такие, кто смеялся: «Старуха выжила из ума, сны ей снятся». А потом кусали локти, да поздно.

— А ты верил? — спросила Маринка.

— Верил, — просто сказал дед. — Потому что она меня спасла. Один раз. Да так, что я до сих пор живой хожу.

— Расскажи! — взмолились девчонки хором.

И дед рассказал.

Было это, когда мне годов двадцать было. Молодой, глупый, бесшабашный. Решил я с друзьями на реку сходить, искупаться, хотя июнь только начался, вода холодная. А накануне баба Поля мне сон пересказала. Пришла ко мне и говорит: «Матвей, не ходи завтра на реку. Утонешь».

— Я тогда посмеялся, — продолжал дед. — Чего, говорю, я утону? Я плаваю как рыба, меня сам чёрт не утопит. А она головой покачала и ушла.

Наутро пошли мы на реку. Прыгали с обрыва, купались, веселились. А я как-то заплыл далеко, судорогой ногу свело. И пошёл ко дну. Тону, захлёбываюсь, сил нет. Друзья заметили, вытащили, еле откачали.

— С той поры я бабе Поле верил беспрекословно, — сказал дед. — И другим рассказывал, чтоб слушали.

— А ещё какие-то случаи были? — спросила Алёнка.

— Много, — кивнул дед. — Про войну она знала. За месяц до того, как началась, она всем говорила: «Готовьтесь, горе будет, большое горе». Ей не верили, думали — старуха каркает. А когда война грянула, вспомнили, да поздно.

— И она умерла?

— Умерла, — вздохнул дед. — Перед самой смертью позвала меня и сказала: «Матвей, я скоро уйду. А дар свой никому передать не могу. Он со мной уйдёт. Но ты запомни: не всё, что снится, — правда. И не всякая правда во сне приходит. Слушай сердце, оно не обманет».

— И что, после неё никого не было?

— Не было, — покачал головой дед. — Может, и были, да не признавались. Страшно это — чужие судьбы видеть. Особенно плохие. Баба Поля, говорят, от этого дара и умерла. Слишком много горя видела, сердце не выдержало.

— А как она видела? — спросила Маринка. — Ну, во сне? Это как?

— А вот этого никто не знает, — развёл руками дед. — Она рассказывала, что сны у неё яркие, как наяву. И люди в них как живые. И говорят с ней, и предупреждают, и просят. А она потом просыпается и не знает: то ли ей приснилось, то ли на самом деле было.

— А мы можем увидеть вещий сон? — спросила Алёнка.

— Можем, — усмехнулся дед. — Только редко. И не всякий сон вещий.

Бывает, приснится ерунда какая-нибудь, а ты потом думаешь: к чему это? А это ни к чему. Просто мозг отдыхает.

Он помолчал, глядя на догорающий закат.

— А бывает, — добавил он тихо, — что сон — это предупреждение. И если ты его правильно поймёшь, то беду отвести сможешь. Или хотя бы подготовиться.

— А ты видел вещие сны? — спросила Маринка.

— Видел, — нехотя признался дед. — Не часто, но видел. Перед смертью жены моей, вашей бабушки, мне сон был. Будто идёт она по полю, цветы собирает, а я её окликаю, а она не слышит. И уходит всё дальше, дальше, пока не скрылась за горизонтом.

— И что?

— А то, что через месяц она померла, — вздохнул дед. — Я тот сон сразу понял, да ничего поделать не мог. Только попрощаться успел.

Он смахнул слезу, наворачнувшуюся на глаза.

— Вот так-то, девоньки. Дар провидицы — это не подарок, а испытание. Баба Поля много горя через себя пропустила. Зато многих спасла. И меня в том числе.

— А её дом ещё стоит? — спросила Алёнка.

— Стоит, — кивнул дед. — На краю деревни, покосившийся уже, заколоченный. Люди туда не ходят — боятся. Говорят, дух её там остался. И по ночам иногда свет в окнах видно.

— Свет? — удивилась Маринка.

— Да, — подтвердил дед. — Тусклый такой, синеватый. Будто лампадка горит. Кто говорит — это она, баба Поля, души умерших встречает. А кто — что это просто светятся гнилушки в подполе.

— А ты сам видел?

— Видел, — сказал дед. — Не раз. И не страшно мне было. Потому что я её знал, доброй она была. И после смерти, думаю, зла никому не сделает. Только светит иногда, напоминает о себе.

Он помолчал, глядя на темнеющее небо.

— А вы, девоньки, если когда сон страшный увидите — не бойтесь. Просто подумайте: может, это предупреждение? Может, надо что-то изменить, чтобы беды избежать? Или просто молитву прочитать и перекреститься.

— А ты веришь, что сны могут врать? — спросила Алёнка.

— Могут, — кивнул дед. — Особенно если человек сам себя накрутит. Бывает, приснится ерунда, а он уже беду чувствует, места себе не находит. А ничего не случается. Потому что не всякий сон — от Бога. Бывают и от лукавого.

— А как отличить?

— А сердцем, — просто сказал дед. — Сердце всегда знает. Если во сне страх липкий, противный, от которого проснуться хочется и не помнишь ничего — это пустое. А если сон яркий, запоминающийся, и после него на душе тревожно, но светло — это знак. Прислушайся.

Зажглись первые звёзды. Дед поднялся с крыльца, потянулся.

— Пойдёмте в избу, девоньки. Холодает. А я вам ещё одну историю про бабу Полю расскажу. Самую памятную.

В избе было тепло, пахло пирогами и сушёными травами. Дед зажёл лучину, уселся на лавку, и девчонки пристроились рядом.

— Это было перед самой войной, — начал он. — Пришла к бабе Поле наша соседка, тётка Марфа, и говорит: «Поля, мне сон приснился. Будто сын мой, Петенька, в лесу заблудился и замёрз. Три дня ищу, а найти не могу. Что делать?»

Баба Поля выслушала, помолчала, а потом говорит: «Не сон это, Марфа. Это правда. Иди в лес, за старую часовню, там под сосной найдёшь». Марфа побежала, и правда — нашла Петеньку. Живого, замёрзшего, еле дышащего. Вытащила, отогрела, спасли.

— А как она узнала? — удивилась Маринка.

— А вот так, — усмехнулся дед. — Она не только свои сны видела, но и чужие понимала. Ей Бог дал. Или природа. Кто ж теперь разберёт.

Он помолчал, глядя на огонь.

— После войны она ещё лет десять прожила. И всё это время к ней люди ходили. Со всей округи. И она никому не отказывала. Кому слово скажет, кому сон растолкует, кому просто руку на голову положит — и легче становится.

— А как она умерла? — спросила Алёнка.

— Тихо, — ответил дед. — Во сне. Легла спать и не проснулась. Видно, свои же сны её и забрали. Самые последние, самые главные.

— А что ей снилось в последнюю ночь?

— Никто не знает, — покачал головой дед. — Но лицо у неё было такое спокойное, будто она увидела что-то хорошее. Может, встретила там тех, кого давно не было. Может, рай увидела. Кто ж теперь скажет.

Он перекрестился и добавил:

— Царствие ей небесное. Хорошая была женщина. И дар её многим помог.

В избе повисла тишина.

За окнами зашуршал дождь — тихий, ласковый, убаюкивающий.

— Дедуль, — прошептала Маринка, — а ты бы хотел такой дар?

— Нет, — твёрдо сказал дед. — Не хотел. Слишком тяжело это — знать, что будет. Особенно плохое. Лучше жить, как все, — не зная, что завтра. И радоваться каждому дню.

— А если бы ты знал, что случится с нами? — спросила Алёнка. — Сказал бы?

Дед долго молчал, глядя на внучек. Потом улыбнулся:

— А я и так знаю, девоньки. Знаю, что вы вырастаете хорошими людьми. Что будете счастливы. Что у вас будут свои семьи, свои дети. И что вы меня иногда будете вспоминать добрым словом. И больше мне ничего знать не надо.

Он погладил их по головам и велел спать.

Алёнка с Маринкой залезли под одеяло, долго ещё шептались о бабе Поле, о её вещих снах, о том, как это, наверное, страшно — видеть чужую судьбу. И под этот тихий шёпот, под шорох дождя за окном, они уснули.

И приснился им сон. Будто стоит на краю деревни старый покосившийся дом, а в окне его горит синий огонёк. И кто-то смотрит на них из того окна. Не страшно, а тепло, по-доброму. Будто бабушка родная благословляет в долгую, счастливую дорогу.

А может, так оно и было.

Луг отчаяния

В тот вечер было душно. Не по-весеннему, а как перед грозой — воздух тяжёлый, неподвижный, хоть ножом режь. Дед Матвей сидел на крыльце, глядел на небо, которое наливалось свинцом, и о чём-то думал свою тяжёлую думу. Алёнка с Маринкой вышли следом, присели рядом, прижались к деду с двух сторон.

— Дедуль, — спросила Алёнка, — а чего ты такой хмурый? Дождь будет, что ли?

— Будет, — ответил дед. — И не просто дождь. Гроза будет. Сильная. И ветер.

— А ты боишься грозы? — удивилась Маринка.

— Не грозы боюсь, — покачал головой дед. — А того, что после неё бывает. Особенно если ветер с луга дует.

— С какого луга? — насторожилась Алёнка.

— А есть у нас за лесом луг, — тихо сказал дед. — Просторный, зелёный, красивый. Цветов там — море, травы по пояс, и воздух такой сладкий, что голова кружится. Только называется он — Луг отчаяния.

Девчонки переглянулись.

— Почему так страшно? — спросила Маринка.

— А потому, — вздохнул дед, — что кто на тот луг зайдёт — не всякий вернётся. А кто вернётся — не всякий живым останется.

И он начал рассказ.

Это давняя история, девоньки. Ещё моя бабка сказывала, что луг тот не простой. Когда-то, в стародавние времена, было там поле битвы. Две рати сошлись, бились насмерть, и кровь рекой лилась. Много народу полегло. И души тех воинов, говорят, не успокоились. Так и остались на том лугу. Невидимые, но чуждые.

А после, когда кости истлели, земля жирная стала, травы буйные пошли. И такая на том лугу красота сделалась — глаз не оторвать. Люди сперва боялись, а потом стали ходить. Девки цветы собирать, парни гулять, дети играть. И ничего вроде.

А потом началось.

— Что началось? — прошептала Алёнка.

— А то, — дед понизил голос. — Стали люди пропадать. Уйдут на луг — и нет их. Ищут-ищут, а найти не могут. А через месяц-другой найдут. На самом лугу, в траве, будто спят. Только холодные уже.

— И много таких было? — спросила Маринка.

— Много, — кивнул дед. — И девки, и парни, и старики даже. Никого луг не жалел.

Он помолчал, затаившись трубкой.

А самые страшные случаи, девоньки, с теми были, кому травинка дорогу показала.

— Травинка? — удивилась Алёнка. — Как это?

— А вот так, — ответил дед. — Говорят, что на том лугу есть особые травинки. Одна на тысячу. Если на неё наступить или мимо пройти, она вдруг начинает клониться. Показывает направление. Будто дорогу указывает.

— Кому показывает?

— А тому, кто её видит, — усмехнулся дед невесело. — И если человек пойдёт туда, куда травинка показывает — пропал. Потому что ведёт она не к выходу, а в самую глубь луга. В самое сердце. Откуда нет возврата.

— А почему она это делает? — спросила Маринка.

— А кто ж её знает, — развёл руками дед. — Может, души тех воинов так играют. Может, сам луг заманивает. Может, просто судьба.

Он помолчал, глядя на темнеющее небо.

— Я вам расскажу, девоньки, про одну девушку. Настю. Она у нас в деревне жила, красавица была, умница. И жених у неё был, Тихон. Любили они друг друга, свадьбу готовили. А за неделю до свадьбы пошла Настя на луг цветов нарвать для венка.

— И что? — выдохнули девчонки.

— И не вернулась, — тихо сказал дед. — Искали её всем миром, три дня ходили по лугу, кричали, аукали — нет Насти. А на четвёртый день нашли. Сидит в траве, в самом центре луга, и улыбается. Глаза открытые, а сама холодная. И рядом с ней травинка одна. Длинная, высокая, стоит, колыхается. Будто смеётся.

— И что с Тихоном стало?

— А Тихон после того случая сам не свой ходил. Всё на луг смотрел, всё туда тянуло. Люди его отговаривали, не пускали. А он в одну ночь ушёл. Тайком. И тоже пропал. Нашли через месяц, рядом с тем же местом, что и Настю. Лежит, будто спит и обнимает её. И травинка та над ним качается.

Дед перекрестился.

— С той поры то место и прозвали Лугом отчаяния. Потому что отчаялись те, кто туда ушёл. И те, кто их искал.

— А другие случаи были? — спросила Алёнка.

— Были, — кивнул дед. — Много. Про деда одного рассказывали. Пошёл он на луг травы для скотины накосить. Косит, косит, а сам не замечает, что всё дальше вглубь заходит. А когда опомнился — кругом одна трава, неба не видать, солнце зашло. И тропинки назад нет. Так и пропал. Нашли через неделю, с косой в руках.

— А травинка?

— И травинка была, — кивнул дед. — Рядом с ним. Указывала куда-то в пустоту.

Он помолчал, затянулся трубкой.

— Самый страшный случай, девоньки, с бабой Степанидой был. Она у нас знахаркой слыла, травы собирала, людей лечила. И вот пошла она на луг за какой-то особой травой. Долго её не было, уж думали — пропала. А она вернулась. Вечером, под самую ночь.

— И что? — спросила Маринка.

— А то, что не помнила она ничего, — ответил дед. — Где была, что делала — отрезало. Только травинку в руке сжимала. Ту самую, что дорогу показывает. Разжали ей пальцы — а травинка та шевелится, будто живая. И указывает прямо на Степаниду.

— И что дальше?

— А дальше Степанида через месяц померла, — вздохнул дед. — Ни с того ни с сего. Здоровая была, крепкая, а померла. И перед смертью всё на луг смотрела и шептала: «Зовёт, зовёт, зовёт...»

За окнами вдруг сверкнула молния, и через мгновение гроыхнуло так, что стены задрожали. Девчонки взвизгнули, прижались к деду.

— Не бойтесь, — сказал он. — Это гроза. А луг сейчас дождь поливает. Травы напоит, цветы вырастит. И травинки те свои заговоры шепчут.

— А они живые? — спросила Алёнка. — Травинки?

— Живые, — пожал плечами дед. — Это души тех, кто на лугу остался. Ждут, когда кто-то новый придёт, чтобы показать дорогу. Дорогу в никуда.

Он погладил внучек по головам.

— Я вам что скажу, девоньки. Если когда на луг пойдёте — никогда не ходите одни. И всегда запоминайте дорогу назад. А если увидите травинку, что на вас указывает — не смотрите на неё. Отворачивайтесь и уходите. Бегом уходите. Потому что она вас уже выбрала.

— Выбрала? — испугалась Маринка.

— Да, — кивнул дед. — Каждая такая травинка — это чья-то душа. И она ищет, кого бы позвать. Кто пойдёт за ней — тот ей и станет.

— Кем станет?

— Травинкой, — просто сказал дед. — Будет на лугу расти, ветром качаться, новых путников заманивать. Пока кто-то не придёт и не освободит.

— А как освободить?

— А никак, — развёл руками дед. — Не знаю я такого способа. Может, и нет его. Может, они там навеки.

Гроза разыгралась не на шутку. Молнии сверкали одна за другой, гром гремел так, что закладывало уши. В избе стало темно, хоть глаз выколи, только лампадка перед иконами мерцала тусклым огоньком.

— Дедуль, — прошептала Алёнка, — а сейчас, в грозу, на лугу страшно?

— Страшно, — ответил дед. — Сейчас они там ходят. Все, кто не вернулся. Ходят по лугу, ищут дорогу домой. А дороги нет. Только травинки качаются, указывают в пустоту.

— И мы их не видим?

— Не видим, — кивнул дед. — А они нас видят. И помнят. И ждут, когда кто-то из своих придёт. Чтобы показать дорогу. Ту самую, откуда нет возврата.

Он перекрестился и добавил:

— Вы это запомните, девоньки. Луг тот красивый, да обманчивый. Как жизнь. Кажется, что всё хорошо, что цветы, что травы, что счастье. А на самом деле — отчаяние. И если не знать, куда идёшь, можно заблудиться навеки.

— А ты был на том лугу? — спросила Маринка.

— Был, — нехотя признался дед. — Один раз. Молодой был, глупый. Пошёл с парнями за грибами, да заплутал. Вышел на луг. Красота такая, что дух захватывает. Иду, смотрю по сторонам, а сам не замечаю, что всё дальше и дальше захожу.

— И что?

— А то, — усмехнулся дед, — что вдруг вижу: травинка передо мной клонится. Прямо на меня указывает. Я на неё посмотрел — и будто голос услышал. Тонкий такой, жалобный: «Иди сюда, иди, тут хорошо, тут покой...» И ноги сами понесли.

— А как же ты спасся?

— А собака, — улыбнулся дед. — Собака наша, Жучка. Она за мной увязалась, хоть я и не брал. И вдруг как залает, как заскулит, как начнёт меня за штаны тянуть обратно! Я опомнился, гляжу — а вокруг уже сумерки, и трава стеной стоит, и неба не видать. Если бы не Жучка, так бы и остался там.

— А Жучка?

— А Жучка потом три дня болела, — вздохнул дед. — Видно, тоже силу ту на себя приняла. Но выжила. И меня вытащила. — С той поры я тот луг обхожу за версту. И вам наказываю.

Гроза постепенно стихала. Молнии сверкали всё реже, гром уходил за горизонт. За окнами зашумел дождь — спокойный, ровный, убаюкивающий.

— Спите, девоньки, — велел дед. — Утро вечера мудренее.

Девчонки залезли на полаты, укрылись тулупом. Алёнка долго не могла уснуть — всё думала о луге, о травинках, о том, как легко заблудиться в красоте. И о том, что самое страшное — это когда красота зовёт, а дороги назад нет.

Перед сном она прошептала молитву — за себя, за Маринку, за деда, за всех, кто когда-то заблудился на том лугу и остался там навеки.

И ей показалось, что сквозь шум дождя она слышит тихий, печальный шепот тысяч травинок, качающихся на ветру.

— Мы ждём, — шептали они. — Мы ждём. Мы ждём...

Часть вторая

Купальские огни...

Посвящается самой короткой ночи в году. Тем, кто не боится жечь костры на берегу, плести венки и искать цветок папоротника. И тем, кто знает: в эту ночь ничего не даётся даром.

И котику. Который, может быть, в эту ночь видел во сне волшебные огни.

Лето в наших краях короткое, но жаркое. Дни длинные, а ночи... ночи летом самые короткие. Особенно одна ночь — с шестого на седьмое июля, когда Иван Купала гуляет.

— Вот это ночка, девоньки, — говорил дед Матвей, глядя на закат, который в эту пору длился бесконечно долго. — Самая страшная и самая волшебная. Всё, что в другое время спрятано, в эту ночь наружу лезет. И травы разговаривают, и вода с огнём мирятся, и нечисть гуляет — любо-дорого.

Аленка с Маринкой уже знали: если дед заводит разговор про Купалу, значит, будут истории особенные. Не такие, как зимой, когда за окнами метель и холодно. Летние истории — они другие. В них и жара, и духота, и такая красота, что дух захватывает, а потом вдруг — обернётся эта красота чем-то таким, что волосы дыбом.

— В эту ночь, — продолжал дед, — можно найти цветок папоротника. Только никто не находил. А кто находил — тот не рассказывал. Потому что цена у такого цветка — жизнь. Или душа. Или что ещё дороже.

Он раздувал самовар, хотя на улице стояла духота, и чай пить совсем не хотелось. Но дед знал: в любую погоду горячий чай с травами — это и лекарство, и защита.

— Ну, слушайте, — сказал он, разливая чай по кружкам. — Про свечи, что в эту ночь зажигают, и про камни, что желания исполняют. Только запомните: в Купальскую ночь ничего просто так не даётся. За всё платить надо.

И луна за окном поднималась огромная, жёлтая, и костры на реке уже зажигали, и девки венки плели, и где-то в лесу — дед знал — уже начинали свои игры те, кого люди не видят, но кто видит всех.

Купальская свеча

Тот вечер был особенным. За окнами сгущались сумерки, пахло молодой травой и речной свежестью, а в избе дед Матвей затеял странные приготовления — достал с полки старую, почерневшую от времени свечу, поставил её на стол и долго смотрел, не зажигая.

— Дедуль, — первой не выдержала Алёнка, — что это за свеча? Такая старая, страшная.

— Не страшная, девонька, — ответил дед задумчиво. — А памятливая. Эта свеча, может, старше меня будет. И хранит она в себе много чего. Особенно сегодня.

— А что сегодня? — насторожилась Маринка.

— Сегодня ночь на Ивана Купалу, — тихо сказал дед. — Самая короткая ночь в году. Самая волшебная. И самая опасная.

Он помолчал, погладил свечу узловатыми пальцами и начал рассказ.

Про Купальскую ночь, девоньки, вы, поди, слышали. Когда травы особой силой наливаются, когда огонь и вода враждуют и мирятся, когда нечисть гуляет да людей пугает. Но есть в эту ночь одна тайна, о которой мало кто знает. Тайна купальской свечи.

— А что за свеча? — спросила Алёнка.

— А вот слушайте, — дед понизил голос. — Было это давно, ещё до революции. Жил в нашей деревне мужик, Еремеем звали. Одиноким, неженатым, вроде и не старый ещё, а всё один да один. Работал на огороде, в лес за грибами ходил, а по вечерам сидел на завалинке, глядел на закат и вздыхал.

— А почему он один был? — спросила Маринка.

— А потому что любил одну девушку, ещё смолоду, — ответил дед. — Любил сильно, да не сложилось. Она за другого вышла, потом померла в родах. А Еремей так и остался бобылём. Всё её вспоминал, всё ждал, может, во сне придёт.

И вот однажды, перед самой Купальской ночью, пошёл Еремей в лес за хворостом. Ходил, ходил, забрёл в самую чащу, куда никогда раньше не заходил. И видит — под старой сосной, в корнях, что-то блестит. Пригляделся — свеча. Восковая, длинная, тонкая, и не пожелтела даже, будто её только что сделали.

— Откуда она там взялась? — удивилась Алёнка.

— А никто не знает, — пожал плечами дед. — Может, кто потерял давным-давно. Может, сама выросла из земли. Всякое в лесу бывает.

Еремей свечу подобрал, повертел, понюхал — воском пахнет, старым, мёдом да травами. Решил: пригодится. Положил в карман и пошёл домой.

А на следующий день как раз Купальская ночь наступила. Сидит Еремей вечером на крыльце, темнеет уже, костры вон за рекой зажигают, девки хороводы водят, парни через огонь прыгают. А ему не до веселья — тоска глохнет. Вспомнил он свою любовь, зажмурился, а когда открыл глаза — свеча та самая в руке оказалась. Сама, видать, из кармана вылезла.

— А он что? — спросила Маринка.

— А он подумал: дай зажгу, — усмехнулся дед. — Всё равно ночь волшебная, может, чудо какое случится. Взял кресало, высек огонь, зажгёт свечу.

И тут, девоньки, такое началось...

Дед замолчал, затаился трубкой. Девчонки затаили дыхание.

— Свеча та, — продолжал он, — загорелась не жёлтым огнём, а синим. Синим-синим, как васильки во ржи. И пламя не дрожит, не колышется, а стоит ровно, будто нарисованное. А от этого пламени свет пошёл такой, что всё вокруг озарилось — и двор, и огород, и лес вдалеке.

И вдруг видит Еремей: идут к нему люди. Много людей, вереницей, от самого леса. Идут не спеша, тихо, и лица у них... лица знакомые.

— Кто это был? — прошептала Алёнка.

— А это, девонька, те, кого уже нет, — ответил дед. — Умершие. Все, кого Еремей знал: родители его, соседи старые, друзья детства. И она тоже. Любовь его, Марья. Идёт в белом платье, как в тот день, когда её хоронили, и улыбается.

Еремей сперва испугался, хотел свечу задуть, да рука не поднимается. А они подходят ближе, ближе, и Марья говорит: «Не бойся, Еремеюшка. Это свеча купальская, она раз в году зажигается. И кто её зажжёт, тот может с мёртвыми поговорить. На одну только ночь».

И стали они говорить. Всю ночь напролёт. Еремей спрашивал, Марья отвечала. Про то, как ей там, на том свете, про то, что она его помнит и ждёт. Про то, что когда-нибудь они встретятся, но не сейчас, не скоро.

А под утро, когда первые петухи запели, свеча догорела и погасла сама собой. И все видения исчезли.

Только Марья на прощание рукой махнула и сказала: «Береги свечу, Еремеюшка. На следующий год опять зажжёшь. Но помни: три раза только можно. А на четвёртый... на четвёртый она тебя к себе заберёт».

— И что, он зажигал ещё? — спросила Маринка.

— Зажигал, — кивнул дед. — Два раза. На следующий год и через год. И каждый раз Марья приходила, говорила с ним, утешала. А на третий раз сказала: «Больше не жги, Еремеюшка. Один год остался. Если на четвёртый зажжёшь — не отпущу. Со мной останешься навеки».

Еремей послушался. Спрятал свечу в сундук и больше не зажигал. А через много лет, перед смертью, отдал её мне. Сказал: «Матвей, сохрани. Может, кому пригодится. Только предупреди: три раза всего. На четвёртый — заберёт».

— И что, ты хранишь? — спросила Алёнка, косясь на свечу.

— Храню, — усмехнулся дед. — Тридцать лет уже храню. И ни разу не зажигал. Боюсь.

— А чего боишься? — удивилась Маринка.

— А того, что увижу, — просто ответил дед. — Тех, кого нет. И не захочу обратно возвращаться. А мне ещё вас растить, внушек.

Он погладил свечу, потом убрал её обратно на полку, в самый тёмный угол.

— А есть ещё одна история, — добавил он тихо, и голос его дрогнул. — Про того, кто не послушался. Вы уж не пугайтесь сильно, но я вам расскажу как было.

— Расскажи! — взмолились девчонки, хотя у обеих уже холодок пробежал по спине.

И дед рассказал.

Жил у нас в деревне парень, Игнатом звали. Молодой, горячий, в приметы не верил, над старухами посмеивался. Узнал он про свечу купальскую, выпросил у меня на один раз. Дай, говорит, дядя Матвей, я с бабкой своей поговорю, она недавно померла, очень соскучился.

— Я его предупреждал, — продолжал дед. — Говорил: три раза только, Игнат. Запомни: три. А он смеётся: «Я один разок, и хватит». Взял свечу, ушёл.

А наутро приходит — лица на нём нет. Губы синие, руки трясутся, и глаза... будто он увидел что-то, чего человеку видеть нельзя. Я его спрашиваю: «Что, Игнат? Что было-то?» А он только головой мотает и шепчет: «Она приходила, дядя Матвей... Как живая... И так смотрела, так смотрела...» И свечу мне отдал, а сам чуть не бегом со двора.

— А потом что было?

— А потом, — дед затянулся трубкой, и огонёк её в темноте показался красным, как глаз, — через год, день в день, опять пришёл. Только теперь он уже не смеялся. Исхудал весь, под глазами круги чёрные, и взгляд такой, будто его кто за горло держит. «Дядя Матвей, — говорит, а голос глухой, не его, — дайте ещё разок. Я не могу так больше. Она во сне приходит. Каждую ночь зовёт. Я слышу её шаги за спиной, когда один в избе сижу. Дайте, Христом Богом молю».

Я ему: «Не дам, Игнат. Это второй раз будет. Останется один — и хватит. Бросай ты это дело». А он как закричит: «Не могу я бросить! Вы не понимаете! Она... она мне показывает,

как там... как там хорошо. Тихо, спокойно, и она рядом. Я без неё теперь как в могиле». Дал я ему свечу, дурак старый. Ушёл он.

Вернулся наутро — а на нём живого места нет. Бледный, как полотно, и глаза ввалились. И молчит. Только когда я у него свечу забирал, он вдруг вцепился в неё и прошептал: «Она велела в третий раз прийти. Сказала: придёшь — и мы вместе будем. Навсегда». Я у него свечу силой вырвал и говорю: «Третий раз — ещё можно, Игнат. Но четвёртый — смерть. Запомни. Приходи через год, попрощаешься. Но на четвёртый, слышишь, не смей!» Он только кивнул, как пьяный, и ушёл, шатаясь.

А на следующий год, в Купальскую ночь, когда за окнами всё затихло, даже собаки не лаяли, слышу — стучат. Тихо так, будто не человек, а ветка в окно бьёт. Открываю — Игнат. Только я его еле узнал. Стоит на пороге — прозрачный весь, будто тень. И глаза светятся. Не радостью, а каким-то синим светом, как у той свечи. И улыбается жутко, спокойно так, будто уже не здесь.

«Дядя Матвей, — говорит, а голос у него стал тихий-тихий, как ветер на погосте. — Дайте свечу. Третий раз. Я только попрощаться. И всё. Обещаю».

У меня сердце зашлось от страха, но дал. Он ушёл в ночь, и мне показалось, что вокруг него темнота сгустилась, и шаги его звучали не по земле, а будто по воде — глухо, без эха. А наутро он вернул свечу. Сам принёс, положил на крыльцо, потому что в избу зайти не смог — его в дверях словно не пускало что-то. И сказал, глядя мимо меня, в пустоту: «Всё, дядя Матвей. Я её отпустил. Она сказала — жди теперь. Год жди».

— И что, пришёл? — спросила Маринка одними губами.

— Пришёл, — дед перекрестился. — Ровно через год. В самую глухую полночь. Я не спал, чуял. Вдруг слышу — не стук, а будто кто-то ладонью по двери провёл, как прощаясь. Я встал, открыл — а на пороге Игнат. Только это был уже не Игнат. Лицо спокойное, но чужое, будто восковая кукла. И от него холодом веяло, как из погреба. И пахло от него... сырой землёй и старым воском.

«Дядя Матвей, — говорит, и голос его прозвучал сразу отовсюду, будто не он один говорил, а ещё кто-то из-за его плеча. — Дайте свечу. Четвёртый раз. Я за ней пришёл».

Я заплакал, но отдал. Потому что понял: не отдам — он и без свечи уйдёт, только хуже будет. Может, дверь выломает. А может, и меня с собой позовёт. Игнат взял свечу, поклонился, и тут я заметил, что у него на шее следы, будто пальцы чьи-то синие. А он улыбнулся и говорит: «Она меня уже обнимала. Теперь навсегда».

И ушёл. В темноту. И шагов его не было слышно, будто земля их глотала. Только свеча в его руке зажглась сама собой — синим, мёртвым светом — и поплыла над тропинкой к лесу.

Больше его никто не видел. Искали — не нашли. Только через месяц, на том самом месте, где он свечу зажигал, нашли его шапку. И рядом — огарок свечи. Четвёртый. И на огарке том — следы зубов. Будто он его грыз перед смертью. Или не он.

— А он сам? — прошептала Маринка.

— А он, видать, там остался, — сказал дед. — С ней. С бабкой своей. Или с кем она его позвала. Кто ж теперь разберёт.

В избе повисла тяжёлая тишина. За окнами уже совсем стемнело, и где-то вдалеке, за рекой, замелькали огоньки купальских костров. Дед подошёл к окну, долго смотрел на них.

— Сегодня ночь, — сказал он тихо. — Купальская. Самая короткая. Самая волшебная. И самая опасная.

— Дедуль, — спросила Алёнка, — а свеча та... она у тебя?

— У меня, — кивнул дед. — Лежит на полке, ждёт.

— А ты её больше никому не дашь?

— Никому, — твёрдо сказал дед. — Хватит. Двух дураков научил, третьего не будет. Пусть лежит, пока не истлеет.

Он отошёл от окна, сел на лавку, притянул внучек к себе.

— А вы, девоньки, запомните накрепко, — сказал он строго. — Никогда не играйте с Купальской ночью. Не гадайте на суженого, если не готовы его увидеть. Не ищите цветок папоротника — не найдёте, только заблудитесь. И свечей старых не зажигайте. Никогда. Потому что не знаете, кого позовёте.

— А кого можно позвать? — спросила Маринка.

— А кого позовёте, тот и придёт, — усмехнулся дед. — Может, любовь. Может, смерть. Может, того, кого давно нет. И не всякий обратно уйдёт.

Он перекрестил внучек и велел спать.

Девчонки залезли на полати, долго ворочались, прислушиваясь к звукам за окнами. Там, за рекой, пели песни, смеялись, прыгали через костры. А здесь, в избе, было тихо, только лампадка мерцала да дед Матвей сидел у окна, глядя на огни и о чём-то думал.

Алёнка уже засыпала, когда ей показалось, что на полке, в самом тёмном углу, что-то засветилось. Тускло, синевато, будто свеча зажглась сама собой. Она хотела крикнуть деда, но сон сморил её раньше.

А утром, когда она проснулась, свеча лежала на том же месте. Тёмная, холодная, безжизненная. И только маленькая капелька воска на доньшке блестела, будто вчерашняя слеза.

Или показалось.

Камень счастья

В тот вечер дед Матвей заметил, что внушки его чем-то взбудоражены. Переглядываются, перешёптываются, а в глазах — огоньки любопытства, которые дед хорошо знал.

— Ну, чего вы там, сороки? — спросил он, раскуривая трубку. — Выкладывайте, что за новости.

Алёнка с Маринкой переглянулись, и старшая решилась:

— Дедуль, а правда, что в лесу есть камень, который счастье даёт? Кто до него дотронется в правильный день, тому всю жизнь удача будет?

Дед Матвей поперхнулся дымом, закашлялся и уставился на внушек так, будто они спросили, где клад разбойников зарыт.

— И откуда вы про это знаете? — спросил он строго.

— Мальчишки рассказывали, — пискнула Маринка. — Будто есть такой камень, в самой чаще, и если в ночь на Ивана Купалу к нему прийти и руку приложить, то весь век счастливым будешь.

— А ещё говорили, — добавила Алёнка, — что многие ходили, да не все вернулись. А кто вернулся, те потом жалели.

Дед долго молчал, глядя на огонь. Потом вздохнул тяжело и начал:

— Эх, девоньки, девоньки. И откуда мальчишки только всё знают? Ладно, слушайте. Только потом не говорите, что не предупреждал.

И он поведал историю про Камень счастья.

Есть в нашем лесу, в самой глухой чаще, один валун. Большущий, с избу размером, темно-серый, мхом поросший. Стоит он там испокон веку, никто не знает, откуда взялся. Одни говорят, упал с неба, другие — из-под земли вылез, третьи — что это языческое капище древнее.

И верят люди, что камень тот не простой. Есть у него сила. Великая сила. Но только в одну ночь в году — в ночь на Ивана Купалу, когда травы цветут по-особенному и нечисть гуляет.

— И что за сила? — спросила Маринка.

— А вот что, — дед понизил голос. — Кто в ту ночь дотронется до камня правой рукой и загадает желание, тому оно исполнится. Богатство, любовь, удача, здоровье — всё, что попросишь. Только...

— Только что? — выдохнули девчонки хором.

— Только не каждому это счастье впрок идёт, — усмехнулся дед невесело. — Многие ходили, многие просили. А потом... по-разному бывало.

И он начал рассказывать.

Первый, про кого я знаю, это наш деревенский кузнец, Ермолай. Лет сто назад, поди, было. Бедный он был, как церковная мышь. Всю жизнь работал, а все одно — ни кола ни двора. И пошёл он в ту ночь к камню. Дотронулся, попросил богатства.

И что ты думаешь? Через год у него своя кузница, через два — дом новый, через три — самый богатый мужик в округе. Женился на красавице, дети пошли. Все завидовали: вот, мол, счастливчик.

Только счастье то недолгим было. Жена его, молодая, через пять лет померла от хвори какой-то. Дети один за другим перемерли. А сам Ермолай спился с горя и в канаве замерз. И всё богатство его по ветру развеялось.

— Это камень виноват? — спросила Алёнка.

— А кто ж его знает, — пожал плечами дед. — Может, совпадение. Только много таких совпадений было.

Вторая история — про бабу Феклу. Та, наоборот, просила любви. Дотронулась до камня, и в тот же год влюбился в неё заезжий купец, богатый, красивый. Увёз в город, жила она как сыр в масле каталась. Только через год вернулась. Сама не своя, худая, глаза безумные. И рассказала, что купец тот оказался лиходеем, бил ее, мучил, а потом выгнал как собаку. И детей, что от него родились, забрал, не отдал. Так и осталась она одна на всю жизнь. И больше замуж не пошла.

— А просила же любви, — удивилась Маринка. — Почему так вышло?

— А потому, девонька, — дед поднял палец, — что камень исполняет желания, да не так, как мы хотим. Он исполняет ровно то, что просишь. Фекла просила любви — получила любовь. Только не спросила, какой ценой и от кого.

Третья история — про нашего деда Агапа. Тот просил здоровья. Всю жизнь спиной маялся, работать не мог. Дотронулся до камня — и спина прошла. Здоровый стал, как бык. Работал за троих, никто угнаться не мог. Да только через год его лошадь лягнула, и помер он на месте. Здоровый, а помер. Камень здоровье дал, а судьбу не поменял.

— И что, никто счастлив не стал? — спросила Алёнка.

— Был один, — нехотя признался дед. — Только про него мало кто знает. И не просил он ничего.

Просто руку приложил, постоял и ушёл. И жил потом долго и счастливо.

— А чего не просил?

— А того, что мудрый был, — усмехнулся дед. — Понял, что камень этот не просто так стоит. Он душу забирает. Частичку. И чем больше просишь, тем больше забирает. А кто ничего не просит, того не трогает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.